

Говард Филлипс Лавкрафт

ГИПНОС

(Hypnos)

Что касается сна, этого мрачного и своенравного властителя наших ночей, то безрассудство, с каким люди предаются ему еженощно, нельзя объяснить ничем иным, кроме как неведением относительно поджидающей их опасности.

Бодлер

Да хранят меня всемилостивые боги — если только они существуют — в те часы, когда ни усилие воли, ни придуманные людьми хитроумные снадобья не могут уберечь меня от погружения в бездну сна. Смерть милосерднее, ибо она уводит в края, откуда нет возврата; но для тех, кому довелось вернуться из мрачных глубин сна и сохранить в памяти все там увиденное, никогда уже не будет покоя. Я поступил как последний глупец в своем неистовом стремлении постичь тайны, не предназначенные для людей; глупцом — или богом — был мой единственный друг, указавший мне этот путь и вступивший на него раньше меня, чтобы в финале пасть жертвой ужасов, которые, возможно, предстоит испытать и мне.

Я помню, как впервые встретил его на перроне вокзала в окружении толпы зевак. Он лежал без сознания, скованный судорогой, из-за чего его некрупная худощавая фигура, облаченная в темный костюм, казалась окаменевшей. На вид ему можно было дать лет сорок, судя по глубоким складкам на изможденном, но притом безукоризненно овальном и красивом лице, а также по седым прядям в коротко подстриженной бороде и густых волнистых волосах, от природы черных как смоль. Его лоб идеальных пропорций цветом и чистотой был подобен пентелийскому мрамору. Наметанным глазом скульптора я тотчас углядел в этом человеке сходство со статуей какого-нибудь античного бога, извлеченной из-под руин эллинского храма и чудесным образом оживленной только ради того, чтобы в наш тусклый безыскусный век мы могли с трепетом ощутить величие и силу всесокрушающего времени. А когда он раскрыл свои огромные, черные, лихорадочно горящие глаза, я вдруг отчетливо понял, что в этом человеке обрету своего первого и единственного друга, ибо прежде у меня никогда не было друзей. Именно такие глаза должны были видеть все величие и весь ужас иных миров за пределами обычного сознания и реальности — миров, о которых я мог лишь грезить без всякой надежды лицезреть их воочию. Я разогнал зевак и пригласил незнакомца к себе домой, выразив надежду, что он станет моим учителем и проводником в сфере загадочного и необъяснимого. Он слегка кивнул в знак согласия, не произнеся ни слова. Как выяснилось позднее, он обладал на редкость звучным и красивым голосом, в котором гармонично сочетались густое пение виол и нежный звон хрусталя. Много ночей и дней мы провели в беседах, пока я высекал из камня его бюсты или вырезал из слоновой кости миниатюры, стремясь запечатлеть в них различные выражения его лица.

Я не в состоянии описать то, чем мы занимались, поскольку эти занятия имели слишком мало общего с обыденной жизнью. Объектом нашего изучения была

неизмеримая и устрашающая вселенная, лежащая вне познаваемых материй, времен и пространств, — вселенная, о существовании которой мы можем лишь догадываться по тем редким, особенным снам, которые никогда не посещают заурядных людей и лишь пару раз в жизни могут привидеться людям с богатым и ярким воображением. Мир нашего повседневного существования соотносится с этой вселенной, как соотносится мыльный пузырь с трубочкой, из которой его выдувает клоун, всегда могущий по своей прихоти втянуть пузырь обратно. Ученые мужи могут иметь кое-какие догадки на сей счет, но, как правило, они избегают об этом думать. Мудрецы пытались толковать такие сны, что вызывало лишь смех у бессмертных богов. А смертные в свою очередь насмеялись над одним человеком с восточными глазами, утверждавшим, что время и пространство суть вещи относительные. Впрочем, и этот человек не был уверен в своих словах, а только высказал предположение. Я же мечтал зайти дальше простых догадок и предположений, к чему также стремился мой друг, преуспев лишь отчасти. А теперь мы объединили наши усилия и с помощью разных экзотических снадобий открыли для себя манящий и запретный мир сновидений, которые посещали нас в мастерской на верхнем этаже башни моего старинного особняка в графстве Кент.

Всякий раз пробуждение было мучительным, но самой мучительной из попыток оказалась неспособность выразить словами то, что я узнал и увидел, странствуя в мире снов, поскольку ни один язык не обладает подходящим для этого набором понятий и символов. Все наши сновидческие открытия относились к сфере особого рода ощущений, абсолютно несовместимых с нервной системой и органами восприятия человека, а пространственно-временные элементы этих ощущений попросту не имели конкретного, четко определяемого содержания. Человеческая речь в лучшем случае способна передать лишь общий характер того, что с нами происходило, назвав это погружением или полетом, ибо какая-то часть нашего сознания отрывалась от всего реального и сиюминутного, воспаряя над ужасными темными безднами и преодолевая незримые, но воспринимаемые преграды — нечто вроде густых вязких облаков. Эти бестелесные полеты сквозь тьму совершались нами иногда поодиночке, а иногда совместно. В последних случаях мой друг неизменно опережал меня, и я догадывался о его присутствии только по возникающим в памяти образам, когда мне вдруг являлось его лицо в ореоле странного золотого сияния: пугающе прекрасное и юношески свежее, с лучистыми глазами и высоким олимпийским лбом, оттененное черными волосами и бородой без признаков седины.

Мы в ту пору совсем не следили за временем, которое представлялось нам просто иллюзией, и далеко не сразу отметили одну особенность, так или иначе с этим связанную, а именно: мы перестали стареть. Амбиции наши были воистину чудовищны и нечестивы — ни боги, ни демоны не решились бы на открытия и завоевания, которые мы планировали. Меня пробирает дрожь при одном лишь воспоминании об этом, и я не рискну передать в деталях суть наших тогдашних планов. Скажу лишь, что однажды мой друг написал на листе бумаги желание, которое он не отважился произнести вслух, а я по прочтении написанного немедля сжег этот листок и опасливо оглянулся на звездное небо за окном. Я могу позволить себе лишь намек: его замысел предполагал, ни много ни мало, установление власти над всей видимой частью Вселенной и за ее пределами, возможность управлять движением планет и звезд, а также судьбами всех живых

существ. Лично я, могу поклясться, не разделял этих его устремлений, а если мой друг в каком-либо разговоре или письме утверждал обратное, это неправда. Мне никогда не хватило бы сил и смелости, чтобы затеять настоящую битву в таинственных сферах, а без такой битвы нельзя было рассчитывать на конечный успех.

В одну из ночей ветры неведомых пространств унесли нас в бескрайнюю пустоту за пределами бытия и мысли. Нас переполняли самые фантастические, непередаваемые ощущения, тогда вызывавшие эйфорию, а ныне почти изгладившиеся из моей памяти; да и те воспоминания, что сохранились, я все равно не смогу передать словами. Мы преодолели множество вязких преград и наконец достигли самых удаленных областей, до той поры нам недоступных. Мой друг, по своему обыкновению, вырвался далеко вперед, и, когда мы неслись сквозь жуткий океан первозданного эфира, в моей памяти возникло его слишком юное лицо, на сей раз искаженное гримасой какого-то зловещего ликования. Внезапно этот образ потускнел и исчез, а еще через миг я наткнулся на непреодолимое препятствие. Оно напоминало те, что попадались нам прежде, но было гораздо плотнее — какая-то липкая тягучая масса, если только подобные определения применимы к нематериальным объектам.

Итак, я был остановлен барьером, который мой друг и наставник успешно преодолел. Я хотел было предпринять новую попытку, но тут закончилось действие наркотика, и я открыл глаза у себя в мастерской. В углу напротив лежал мой друг, мраморно-бледный и бесчувственный; его осунувшееся лицо показалось мне особенно прекрасным в золотисто-зеленом свете луны. Спустя недолгое время тело в углу шевельнулось — и не дай мне бог еще раз когда-нибудь услышать и увидеть то, что за этим последовало! Мне не под силу описать его истошный вопль и адские видения, отразившиеся в его глазах. Я лишился чувств и пришел в себя оттого, что мой друг отчаянно тряс меня за плечо, боясь остаться наедине со своими кошмарами.

На том и закончились наши добровольные странствия в мире снов. Глубоко потрясенный и чуть не до смерти напуганный, мой друг, побывавший за последней чертой, предостерег меня от новых подобных попыток. Он так и не решился рассказать мне, что он там видел, но, основываясь на своем страшном опыте, настоял, чтобы мы впредь как можно меньше спали, даже если ради этого придется использовать сильнодействующие стимуляторы. Вскоре я убедился в его правоте: стоило мне задремать, как меня охватывал невыразимый ужас. И всякий раз после краткого вынужденного сна я ощущал себя разбитым и постаревшим; что же касается моего друга, то его процесс старения шел с потрясающей быстротой. Тяжко было наблюдать, как у него ежедневно появляются все новые морщины и седые волосы. Наш образ жизни теперь совершенно переменялся. Прежде бывший затворником, мой друг — кстати, так ни разу и не обмолвившийся о своем настоящем имени и происхождении — теперь панически боялся одиночества. По ночам он не мог оставаться один, да и компании из нескольких человек ему было недостаточно, чтобы чувствовать себя более-менее спокойно. Единственным его утешением стали шумные многолюдные сборища и буйные пирушки, так что мы стали завсегдатаями мест, где обычно гуляла веселая молодежь. В большинстве случаев наши внешность и возраст вызывали насмешки, больно меня задевавшие, но мой спутник считал их меньшим злом по сравнению с одиночеством. Более всего он страшился остаться один среди ночи под звездным небом,

а если ему все же случалось ночной порой очутиться вне дома, то и дело затравленно взглядывал вверх, словно ожидая нападения оттуда каких-то чудовищ. При этом я заметил, что в разные времена года его внимание приковывают разные точки на небосводе. Весенними вечерами такая точка находилась низко над северо-восточным горизонтом, летом он высматривал ее почти прямо над головой, осенью — на северо-западе, а зимой — на востоке, правда лишь ранним утром. Вечера в середине зимы были для него самым спокойным периодом. Прошло два года, прежде чем я догадался связать его страх с конкретным объектом и стал искать на небосводе точку, чья позиция менялась бы на протяжении года в соответствии с направлением его взглядов, — и таковая обнаружилась в районе созвездия Северная Корона.

К тому времени мы уже перебрались в Лондон, где снимали комнату под мастерскую и были по-прежнему неразлучны, но избегали говорить о тех днях, когда мы пытались разгадать тайны миров, находящихся за пределами нашей реальности. Мы оба сильно постарели и подорвали свое здоровье в результате злоупотребления наркотиками, беспорядочного образа жизни и нервного истощения; редеющие волосы и борода моего друга сделались снежно-белыми. Мы приучили себя не спать более одного-двух часов подряд, дабы не оставаться надолго во власти забвения, представлявшего для нас смертельную угрозу.

И вот наступил туманный и дождливый январь, когда наши сбережения подошли к концу и не на что было купить стимулирующие препараты. Я давно уже распродал все свои мраморные бюсты и миниатюры из слоновой кости, а для изготовления новых у меня не было исходных материалов — как, впрочем, не было и сил работать, даже имейся у меня материал. Мы оба ужасно страдали, а однажды ночью мой друг прилег на кушетку и, не выдержав, забылся сном, настолько тяжелым и глубоким, что мне никак не удавалось его пробудить. Я отчетливо помню эту сцену: запущенная мрачная комната под самой крышей, по которой беспрестанно барабанит дождь; тикают единственные настенные часы, что сопровождается неслышным, но воображаемым таканьем наших наручных часов, лежащих на туалетном столике; поскрипывает незакрытый ставень на одном из нижних этажей; смутно слышатся звуки города, приглушенные туманом и расстоянием; и самое жуткое среди всего этого — глубокое мерное дыхание моего друга, как будто отсчитывающее секунды агонии его духа, унесенного в далекие запретные сферы.

Мое напряженное бдение становилось все более гнетущим; череда мимолетных впечатлений и ассоциаций стремительно проносилась в моем расстроенном воображении. Откуда-то донесся бой часов — не наших настенных, поскольку они были без боя, — и это дало новое направление моим мрачным фантазиям: часы — время — пространство — бесконечность... Тут я вернулся к реальности, вдруг очень явственно представив себе, как где-то за скатом крыши, за дождем и туманом над северо-восточным горизонтом именно сейчас восходит Северная Корона. Это сияющее звездное полукольцо, наводившее такой ужас на моего друга, пусть сейчас и незримое, тянуло к нам свои лучи через космическую бездну. Внезапно мой обострившийся слух уловил новый звук в уже привычной какофонии шумов — это был низкий несмолкающий вой, жалобный, издевательский и зовущий одновременно, и доносился он издалека, с северо-востока.

Но не этот отдаленный вой приковал меня к месту и оставил в моей душе печать страха, от которой мне не избавиться вовеки; не он стал причиной моих последующих воплей и конвульсий, которые побудили соседей вызвать полицию и взломать дверь мастерской. Дело было не в том, что я услышал, а в том, что увидел: в темной комнате с запертой дверью и плотно зашторенным окном вдруг из северо-восточного угла вырвался зловещий золотисто-красный луч, который не рассеивал окружающую тьму, а только высветил откинутую на подушку голову спящего. И в этом свете я увидел то же самое юное лицо, какое являлось мне во время сновидческих полетов сквозь пространство и время, когда мой друг раньше меня преодолевал все преграды, пока не проник за последний барьер, в самое средоточие ночных кошмаров.

Между тем голова его приподнялась с подушки, глубоко запавшие черные глаза раскрылись в ужасе, а тонкие бескровные губы искривились словно в попытке издать крик, который, однако, так и не прозвучал. И в этом мертвенно-бледном, высвеченном из тьмы и застывшем как маска лице отразился предельный, абсолютный ужас, какой только может существовать во вселенной. Мы оба не издали ни звука, а между тем далекий вой все нарастал. Когда же я проследил за направлением его взгляда и на мгновение увидел источник зловещего луча, этого мгновения оказалось достаточно: я тотчас издал пронзительный вопль и забился в припадке, как эпилептик, переполошив соседей и побудив их вызвать полицию. При всем желании я не смог бы описать, что именно мне довелось увидеть в тот момент; а что бы ни увидел мой бедный друг, он уже никогда не расскажет. Мне же впредь не остается ничего иного, как по возможности дольше не поддаваться властителю снов — коварному и ненасытному Гипносу, а также губительным силам звездного неба и безумным амбициям познания и философии.

До сих пор подробности этой истории являются загадкой не только для меня, но и для всех окружающих, поголовно ставших жертвами непонятной забывчивости, если только не группового помешательства. С какой-то стати они в один голос утверждают, что у меня никогда не было никакого друга и что вся моя злосчастная жизнь была без остатка заполнена искусством, философией и безумными фантазиями. В ту ночь соседи и полицейские попытались меня утихомирить, а затем вызвали врача, давшего мне успокоительное, но при этом все они дружно проигнорировали иные последствия разыгравшейся там трагедии. Их, в частности, нисколько не озаботила участь моего несчастного друга; совсем напротив — то, что они обнаружили на кушетке, вызвало с их стороны бурю восторгов и похвал в мой адрес, отчего меня едва не стошнило. За восторгами последовала и громкая слава, ныне с презрением отвергаемая мной: лысым седобородым стариком, жалким, разбитым, усохшим и вечно одурманенным наркотиками, — когда я часами сижу, любясь и вознося молитвы предмету, найденному тогда в мастерской.

Ибо они утверждают, что я не продал самое последнее из своих творений, и без устали восторгаются им — холодным, окаменевшим и навсегда умолкшим после прикосновения запредельного света. Это все, что осталось от моего друга и наставника, приведшего меня к безумию и катастрофе, — божественный мраморный образ, достойный резца лучших мастеров древней Эллады; неподвластное времени прекраснейшее юное лицо в обрамлении бородки, с приоткрытыми в улыбке губами, высоким чистым лбом и густыми вьющимися кудрями, покрытыми венком из полевых маков. Говорят, это я

изваял по памяти самого себя, каким я был в двадцать пять лет, однако на мраморном основании бюста начертано лишь одно имя — ГИПНОС.

Перевод: Василий Дорогокупля

2010 год